

Любовные переживания

1 О них уже немного говорилось в связи с госпожой де Варанс и Терезой. И, признаться, я долго колебался, чему посвятить следующую главу. До сих пор читатель имел дело только с бесконечными комбинациями выписок из «Исповеди» и моими сжатыми суждениями вокруг них. Это стало утомительным и для меня самого. Хотелось бы выйти за границы «Исповеди», взять в руки кое-какие другие сочинения Руссо, перейти к скромной толике полемики, к сопоставлениям и к новым или переформулированным (что часто совпадает) общим замечаниям.

Однако пока рано. Я буду вынужден еще долго придерживаться прежнего, отчасти описательного способа изложения.

Дело в том, что это сочинение, как я уже неоднократно пояснял выше, не очередной разбор учений Руссо и не его биография, а всего лишь попытка предметно показать правильность идеи, высказанной мною в первой же фразе... Она проста, но я должен повторять ее при каждом уместном поводе.

Это принципиальный, т. е. всемирно-исторический, новый и неповторимый культурный перелом в виде фигуры Руссо – уход от всего прежнего, более (или гораздо менее, начиная с Возрождения и особенно XVII века) традиционалистского понимания индивидуности.

«Исповедь» создана автором, «живущим в горизонте идеи личности». Я припоминаю, что уже касался этого любимого мною бахтинского оборота.

Мне не довелось выяснить, было ли слово «personnalité» в тогдашних французских словарях, но думаю, что нет. Так совершился – по *этой* части – переход к культуре Нового времени, да и вплоть до наших дней.

Руссо был в этом отношении, конечно, вовсе не один. Нужно упомянуть, например, и Вольтера, и Дидро, да и «Принцессу Клевскую» или «Манон Леско». Но этот подвиг совершен Руссо наиболее выпукло, интимно, наглядно и общедоступно в виде психологической автобиографии или, как отмечали многие, романа об истории собственной души. *Более того, только он превратил этот принцип в оснoвание своей судьбы.*

Поэтому я не могу пока прерывать доказательное цитирование «Исповеди» и др. Правда, я не в силах, да и незачем, продемонстрировать и оценить *все* стороны жизни, социального положения, социально-исторических трактатов и поведения Руссо. Это не моя задача. И без того неловко пересказывать – к тому же преимущественно словами автора – всеми читанное и вдоль и поперек исследованное великое творение (как далее и другие сочинения).

Но – хотя бы еще некоторые важнейшие для меня темы. Его любовные страсти. Его отношение к другим. К задушевным друзьям и к первому встречному-поперечному. И о том, чего стоило обладать таким складом ума и характера в феодальной предреволюционной Франции три века тому назад.

2 Итак, о любовных увлечениях и повадках Руссо. Поэтому что, наравне со впитыванием знаний и сочинительством, рядом с природой и музыкой любовь – очень разная – была главным, что занимало Руссо.

Он нравился девицам, и они ему всегда нравились, но всерьез все начинается со вдовушки бальзаковского возраста, баронессы мадам Луизы де Варанс. Он попал в ее дом совершенно случайно, по ходу своего бесцельного бродяжничества в Савойе, совсем зеленым юнцом, шестнадцати лет (а ей было в ту пору 27), но задержался надолго и хранил благодарную нежную память о ней до конца дней.

Варанс сразу же предоставила ему парадную комнату в своих покоях, усадила вечно голодного юношу с собой за стол. Была очень приветлива и ласкова. Он называл ее вскорее «Мамап», она его «Petit», «малыш» (р. 159). Перемена в его существовании оказалась мгновенной и разительной. Жан-Жак все крепче и восторженней увлекался женщиной доброй и безалаберной, жившей на пенсию сардинского короля, тогда владевшего Савойей и расточавшей ее без толку. Он следовал тенью за «маменькой», был чем-то вроде слуги, но одновременно и задушевного друга, заодно и сына (она была бездетна). Ведь у Руссо мать умерла после родов.

Он сразу же, разумеется, стал горячо вздыхать о Луизе, будучи притом почтительным и робким. Его томила юношеская чувственность. Он вместе с тем почувствовал в пространных беседах свое умственное превосходство. Он даже стал давать ей практические советы и беспокоился, что она разорится. Так оно спустя долгие годы и произошло.

Он всей душой, потрясенно, любил ее. Она – главный персонаж его молодости, Притом, по крайней мере спустя годы, т. е. в «Исповеди», он судит о ней, прежней, хотя и очень трезво, но по-прежнему тепло (с. 50 и др.).

Она стала его первой женщиной.

Физическое сближение произошло далеко не сразу, спустя лет пять. Руссо накануне страшно волновался.

Этот день, скорее страшный, чем желанный, наконец настал... Первый раз я был в объятиях женщины – и женщины, которую обожал. Был ли я счастлив? Нет, я испы-

тывал только удовольствие. Какая-то непобедимая грусть отравляла его прелесть. Я чувствовал себя так, словно совершил кровосмешение. Сжимая ее в своих объятиях, я не раз поливал ее грудь слезами. Она же была ни грустна, ни оживлена, но ласкова и спокойна. Так как она не была чувствозна и не искала сладострастья, она не испытала связанного с ним наслаждения, но я никогда не раскаивался в том, что произошло (с. 174–176).

Маменька не придавала таким вещам большого значения. Не получая сама никакого страстного наслаждения, она следовала наставлениям своего первого любовника еще при жизни мужа, полагая, что неверность и т. п. – пустые слова из катехизиса, она только обязана скрывать ее, дорожа спокойствием мужа. Этот взгляд, поясняет Руссо, как нельзя лучше подошел к ее фригидной природе. Поэтому глубоко благо нравная мадам Луиза не считала зазорным щедро предоставлять неизвестную самой радость тем, кто ее домогался.

Словом, юный Жан-Жак был неожиданно разочарован. У его любимой был, как он напишет, «ледяной темперамент» (с. 175). «Знаю заранее, что, приписав ей чувствительный характер и холодный темперамент, я подвергнусь обычному и, как всегда необоснованному, обвинению в противоречии. Быть может, тут виновата природа, и такого сочетания не должно быть; знаю только, что именно так было» (с. 177–178). «У меня была нежная мать, но мне нужна была любовница» (с. 195).

Примерно то же произошло впоследствии и с Терезой.

З Продолжая обожать свою дорогую маменьку, он во время относительно краткого отъезда встречается замужнюю госпожу Базиль, яркую и умную брюнетку. «Я много раз оставался с нею наедине, но никогда ни сло-

во, ни жест, ни слишком выразительный взгляд не устанавливали между нами ни малейшей близости». (с. 71–73). Жан-Жак немедленно горячо влюбился, но не добился почти ничего. Были выразительное поглядывание друг на друга, учащенное дыхание у обоих, восторженные поцелуи рук – и только.

«Тут конец роману...» (с. 89).

Но все же спустя долгие Руссо ухитрился признаться: «...Воспоминание об этих милостях, в сущности таких незначительных, до сих приводит меня в восторг» (с. 72). Так он растроганно расцветчивал свое смутное воспоминание.

Такое с ним приключалось не раз. Особенно, разумеется, в юности. До этого была мадемуазель де Брей, от которой и таких милостей не было (с. 58–59). Позже была, например, очень красивая г-жа Дюпен. Руссо, застав ее за туалетом, само собой, с первого же взгляда увлекся – и с тем же результатом. Она этого даже не заметила. Но они впоследствии хотя бы сдружились.

Жан-Жак не забывает ни одной из своих, пусть мимолетных и давних, влюбленностей. Позже он встретил замужнюю г-жу де Ларнаж во время поездки на лечение в Монпелье. Но тут уже совсем иная история.

Жан-Жак сознается, что это вряд ли была большая любовь. Он гораздо сильнее любил г-жу де Варанс. Но именно решительная де Ларнаж первая сделала его вполне мужчиной. И впервые он испытал страсть.

Она дала мне ту уверенность, отсутствие которой почти всегда мешало мне быть самим собой. <...> Никогда еще мои глаза, мои чувства, мое сердце и мои губы не говорили так красноречиво; никогда еще я не испугал своих ошибок так полно ... Проживи я сто лет, я всегда с удовольствием вспоминал бы эту очаровательную женщину ... хотя она не была ни молода, ни красива. Но вместе с тем она не

была ни безобразна, ни стара ... Она имела причины быть податливой: это было для нее средством показать свою действительную цену. Можно было увидеть ее и не полюбить, но нельзя было обладать ею и не обожать ее (...) Если отношение мое к ней и не было в собственном смысле любовью, оно было во всяком случае таким нежным ответом на ее любовь ко мне, исполнено такой жгучей чувственности в минуты обладания и такой нежной близости в беседах, что отличалось всем очарованием страсти (с. 220–228).

Муж быстро все понял, но он «был воспитанным человеком».

4 Однако «дорожная любовь не может длиться долго». Вскоре он с замирающим сердцем вернулся к маменьке. И тогда-то увидел новую, уже радикально другую ситуацию, в которой его оттеснил на второе место в душе матушки слуга Клод Анэ и о которой я уже имел случай вскользь упомянуть..

«Я в такой степени изменился [после встречи с госпожой Ларнаж], и сластолюбие, которому я дал волю, во мне в такой степени разгорелось ... что однажды я остановился в “Пор-де-Люнеле” только для того, чтобы хорошо поесть в тамошнем обществе...» Так Руссо в очередной раз с невозмутимым лицом подшутил над собой... даже над незабываемой страстью. Его воспоминания, как мы еще не раз убедимся, сплавлены из самоуважения и самоиронии.

Он, словно бы со стороны наблюдая себя, очень часто думает над своим «романтическим сумасбродством». Многократно приходит к выводу: чем больше он любил женщину, тем сильнее проявлялась его врожденная застенчивость (с. 70). И, благоговей, тем меньшего он добивался. В юности к этому прибавлялась и естественная неопытность мальчика.

Заметим, для него в любви нужно в первую очередь, как и в сочинительстве, как и вообще в жизни – *стать «самим собой»*.

Г-жа Ларнаж была в его юношеском любовном опыте отличным исключением. Жан-Жака обычно завораживали женщины, пусть и зрелые, но, как и он, скорее застенчивые, с таинственной прелестью, ничуть не хваткие и не напористые. Короче, отнюдь не раскованные, а стесненные тогдашним воспитанием. Зато в отличие от друзей-мужчин, они умели «приносить утешение».

Он вдумчиво анализирует не только собственные, но и эмоциональные личные особенности каждой из них. Такие женщины чаще всего в чем-то сходны, но каждая по-своему.

Что ж, не стремясь составить их полный список, нужно помянуть, как я и обещал, только г-жу Удето.

5 С какой целью? Это самая головокружительная и трагическая страсть в жизни Жан-Жака. И полезно опять посмотреть, как тщательно Руссо вглядывается в себя и одновременно пытается понять душу любимой. Описывает не только и не столько внешнюю канву событий, сколько переживания по их поводу, желая передать глубоко личные особенности и столкновение двух встретившихся индивидуальностей.

Госпожа Софи д'Удето была сестрой госпожи д'Эпине, и Руссо познакомился с ней, когда она была еще в девичестве. Были встречи в обществе и приятные для обоих разговоры. «... Мне даже казалось, что она относится ко мне с благосклонностью. Мы оба были хорошими ходоками, она любила гулять со мной, и беседа между нами не иссякала» (здесь и далее об их отношениях вплоть до разрыва см. с. 376–377, 383–418). Выйдя замуж помимо своей воли, Софи Удето преданно полюбила не мужа, а тут же заведен-

ного ею, как и полагалось в этом фривольном французском веке, пылкого любовника де Сен-Ламбера, который, в отличие от мужа, обладал также «умом, добродетелями и талантами». Руссо с удовольствием знал и его, уважал их отношения. «Если что-нибудь заслуживает прощение в нравах нашего века, так это, конечно, привязанность, очищенная продолжительностью, облагороженная своими проявлениями и проникнутая взаимным уважением». (с. 384).

Тут исходная причина последовавшей любовной драмы.

Жан-Жак вглядывался в душевный склад г-жи Удето заинтересованно, долго и объективно, несмотря на пережитые в связи с нею страдания. Ей было в ту пору около тридцати.

(...) Она не была красива; лицо портили следы оспы, цвет его был недостаточно нежен, и глаза у нее были немножко круглые; но при всем том она казалась очень молодой, и лицо ее, живое и милое, дышало лаской; у нее был целый лес длинных черных волос, вьющихся от природы, почти до колен; фигура ее отличалась изяществом, а во всех ее движениях была какая-то угловатость и вместе с тем грация. У нее был бесхитростный и приятный ум, ветренность и наивность счастливо сочетались в нем. Речь ее порой искрилась очаровательными остротами, которых она не выискивала – они вырывались сами собой. Она обладала многими приятными талантами: играла на клавесине, хорошо танцевала, писала недурные стихи. Характер у нее был ангельский, душевная мягкость являлась его основой; он сочетал в себе все добродетели, кроме осторожности и силы. А главное – имея дело с ней, на нее можно было так твердо полагаться, зная ее неизменную честность, что даже врагам ее не было надобности в ней сомневаться ... В минуты самых дружеских бесед с нею я никогда не слышал, чтобы она дурно отзывалась об отсутствующих ... Она не умела ни утаить перед кем бы то ни было свою мысль, ни скрыть какое-нибудь чувство, и я убежден, что она говорила

о своем возлюбленном даже с мужем, как говорила о нем ... решительно со всеми. <...> Хотя она была склонна к самому отчаянному легкомыслию, к самой смешной опрометчивости, и нередко у нее бывали выходки, очень опасные для нее самой, – никогда она не делала ничего оскорбительного для кого бы то ни было (с. 383–384).

Уже не самоанализ, но разбор психики и поведения другого человека, воспринятого тоже «в горизонте идеи личности».

Руссо находил, что в Софи много общего с ним самим. Действительно, Удето была женщиной того типа, который был ему особенно необходим.

И, несмотря на седеющие волосы, приближаясь к 45 годам и решив ранее вообще отказаться от всяких физических ласк, т. е. непосредственно от близости с Терезой (поскольку достаточно мнительный Жан-Жак после очередного, видимо сердечного, приступа, решил, что они стали опасны для его здоровья) – Жан-Жак, пишущий о том, что «время любви миновало» и что «старый волокита» смешон... и вот он внезапно, сам этого поначалу вполне не сознавая, опять разгорается, как солома.

6 Отношения с Терезой уже становились слишком рутинными и выцветшими. Он попробовал их обновить, но кризис с Терезой продолжался. Да и она часто уезжала к матери, для Руссо ненавистой (Тереза вечно лавировала между ними). Или эта, так сказать, теща приезжала и подолгу жила у них. Кто-то назвал ее «второй домоправительницей» Жан-Жака. И он читал – поневоле им обеим – новый роман «Юлия»... Тереза плакала, мать ничего не понимала. Впрямь ли они с Терезой во всем жили душа в душу? С ней всегда было спокойно и уютно. Этого уже совсем не мало.

Но он продолжал чувствовать себя одиноким. Он решил посуловать и не ждать больше ничего.

Да, он выработал для себя новые правила жизненного поведения.

Он заметно переменялся.

Однако непонятным для него образом, в несовпадении с самим собой вдруг отказался от новых столь благородных принципов. Что ж, нам-то понятно. Ведь он оставался Руссо.

Очередное, но (как, впрочем, всегда) экзальтированное «опьянение, внезапное и безумное», опять все та же жажда совершенной любви. Сперва она выразилась в сочинении «Новой Элоизы». Это было благоразумно и отсрочивало несчастье. Притом он заново припоминал всех своих прежних подруг...

Но вот Удето впервые приехала к нему в «Эрмитаж».

Этот визит был немного похож на начало романа. Дело в том, что кучер сперва сбился с дороги, завез карету в грязь, Софи решила было добираться пешком, но промочила ноги, зашла в болото, и ее еле вытащили слуги. Наконец она доехала до Эрмитажа и появилась в дверях, в грязи и веселая. Жан-Жак тоже расхохотался. Ей пришлось переодеться и ее, отбросив этикет, усадили «за деревенские кушанья, которые очень ей понравились ... Было поздно, она оставалась недолго; но свидание было такое веселое, что пришлось ей по вкусу, и она, видимо, была не прочь повторить его. Однако осуществила свое намерение только через год; но – увы! – это запоздание ни от чего меня не спасло» (с. 337).

За этот год Руссо написал трогательную «Юлию, или Новую Элоизу», роман в письмах. Осенью и зимой ему было «отрадно и спокойно». Но с весной «мой нежный бред» усилился. Как раз в это время Удето, поселившись неподалеку, приехала вторично, верхом, в мужском костюме – и у бедного Жан-Жака уже бесповоротно «вспыхнула любовь» (с. 383).

7 Руссо утверждает, что «она была первой и единственной во всей моей жизни»! Как?!

Однако Руссо поясняет это сильное утверждение, продолжая изведывать себя. Он жаждал «тесного общения, такого интимного, как только возможно». То есть прежде всего женской любви, преодолевающей неизбежное одиночество «я». Он всю жизнь, стало быть, мечтал о невозможном...

Коротко говоря, ему требовалась не только душевная и не только в добавление усладительная физическая близость, не они обе рядом и вместе, а нечто еще большее, «слияние двух душ в одном теле» (с. 361). «В счастье или в наслаждении мне надо было все или ничего» (с. 367). Запомним этот максимализм.

Он вообразил, что Софи могла бы стать для него такой подругой. Душевым и телесным alter ego. Его единственной, его идеальной женщиной. .

Но Софи, хотя и потрясенная силой и глубиной неистовой страсти Жан-Жака, была всецело влюблена в другого, к тому же в друга Руссо, которого он всегда очень уважал и ценил. Она понимала значительность и необыкновенность Руссо, она желала сохранить такого друга, она жалела его, была с ним очень нежна и откровенна. Три месяца, пока она жила одна и поблизости, они виделись почти ежедневно, они целовались и ласкались, не переходя последней черты. Жан-Жак рассудочно почитал ее добродетельную стойкость и горько винил свое безумство. Иногда тем не менее кляня себя, Руссо срывался и покушался прибавить к действительно огромной и обоюдной душевной близости между ними и полную близость физическую. Его терзала буйная чувственность. Их ласки были полны двусмысленности. Но Софи не в состоянии была уступить и не уступила. Он восхищался ее верностью любимому, он укорял себя, но сердце ныло.

Дело кончилось, иначе быть и не могло, полным разрывом. Избавим себя от подробностей. По-видимому, это

страшное для Жан-Жака душевное потрясение послужило толчком, или одним из толчков, к печальным психологическим переменам.

История самой сильной страсти Руссо, как мы могли убедиться, вновь полна интроспекции и понимания страданий, причиненных им любимой.

А теперь об отношениях с друзьями и еще обо многом.